

18+

НАДЕЖДА СТАХЕЕВА

КУМПАРСИТА

Рассказы

Надежда Стахеева

Кумпарсита

«Издательские решения»

Стахеева Н. В.

Кумпарсита / Н. В. Стахеева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-987113-8

«Кумпарсита» — сборник рассказов разных лет о жизни, любви, о родных и близких. Их светлой памяти и посвящена эта книга.

ISBN 978-5-44-987113-8

© Стахеева Н. В.
© Издательские решения

Содержание

ПОСТОЯЛЕЦ	6
ЕСЛИ ПРИЛЕТИТ ГУМАНОИД?	9
КАК Я РЕАБИЛИТИРОВАЛА ЛУКУ	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Кумпарсита

Надежда Валентиновна Стахеева

© Надежда Валентиновна Стахеева, 2020

ISBN 978-5-4498-7113-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОСТОЯЛЕЦ

Деревня просыпалась, открывала окна – глаза домов. Петухи ли разноголосые ее будили, или солнышко, греющее в эти июльские дни во всю свою силу. Захлопали калитки и ворота, забрякали ведра, потянулись к речке бабы. Поднимая дорожную пыль бичом, с дальнего конца деревни шел пастух Степан. Пустой рукав его рубахи заткнут за пояс – с войны вернулся без левой руки. Перед ним, лениво переставляя ноги, шагали козы, коровы, овечки.

– Бабоньки, гони скотину. Да поживей, милаи!.. Мотья, чего зеваешь, гони свою козлуху, – крикнул он, приближаясь к Матрене Леоновой, бабе еще не старой, не дождавшейся, как и многие ее подруги, мужа с фронта.

– У меня, Степа, коза ученая... Девка, Девка, – позвала она козу, поворачиваясь к своему старенькому, скособочившемуся дому.

Тотчас же из двора с тихим бляньем выскочила худая черная коза и поплелась вместе со всеми по утренней дороге.

– Бери, Матрена, меня к себе в дом, не пожалеешь, не хуже твоего Ивана приласкаю, не смотри, что рука одна...

– Ох, и липучий у тебя язык, Степан...

Зевая и потягиваясь всем телом, вышла Матренина соседка, колхозная бригадирша, выгнала свою Рыжуху. Матрена пошла домой, накормила Феньку и Яшку, наказала присматривать за домом, взяла узелок с нехитрым обедом и вышла за ворота. Из всех домов на дорогу выходили бабы. Их ждала тяжелая работа.

На поле мелькали выцветшие платки и застиранные юбки. Женщины внаклон пололи свеклу. Война закончилась пять лет назад, а деревня все никак не могла опомниться от тех страшных дней. Кто-то затянул песню, ее подхватили другие, и она полилась над полем, помогая бабам вырывать сорняки и жить этим днем – не прошлым.

Вокруг бригадирши смеялись – опять кого-то поддела. Мотья повернулась в ее сторону.

– Че, Матрена, говорят за Степана замуж выходишь, – подмигивая остальным сказала бригадирша.

– Он со мной одной-то рукой не управится, мне и двух мало, – в тон ей ответила Мотья, она тоже никогда за словом в карман не лезла.

Громкий смех заглушил ее последние слова. Задела бригадирша за самую душу, разворошила тяжкие думы, которые Матрена гнала от себя и днем, и ночью. «Ох, Иван, тяжело мне без рук-то твоих, не управляюсь с хозяйством... Ребятишки не слушаются, балуют. Дostatка в доме нет – хлеб да картошка. Все нажитые с тобой добрые платья еще в войну променяла на крупу... У Феньки туфлишки вон рваные, к школе надо новые справить... Да и мужики при случае глаза масляные пялят на здоровое тело. Горько мне, Ванюшка, не по то я шла за тебя, чтобы вековать одной»... Такие разговоры со своим погибшим мужем Матрена вела почти каждый день – и отчитывалась, и жаловалась.

Домой с поля шли уже тогда, когда солнце укатилось за речку. Болела спина, ныли руки, изрезанные травой. Дети уже давно видели сны. Матрена умылась, доела вареную утром картошку и легла спать...

Как-то на поле бригадирша подошла к Моте:

– В колхоз трактористы с курсов приехали. К тебе постояльца председатель определил, иди устрой его.

Матрена одернула юбку, перевязала платок и отправилась в деревню, толком еще не понимая, как к этому относиться. Подойдя к дому, увидела человека, сидящего на небольшом деревянном чемоданчике. На нем была еще крепкая солдатская гимнастерка и брюки, сохранившиеся, видать, еще с довоенной поры.

– День добрый...

– Будьте здоровы, – произнес приезжий сильным, немного хрипловатым голосом.

– Леонова Матрена Спиридоновна, а запросто Мотя зовут, – сложив свои натруженные руки на животе и чуть наклонившись вперед, начала знакомиться.

– А я Егор Иванович Галунов. Кроме сестры в городе, родных больше нет...

– В дом-то чего не проходите, идемте...

Перешагнув порог, Егор снова поздоровался – на него смотрели две пары любопытных детских глазенок. Он поставил у порога чемодан и сел на лавку.

Постояльцу отвели боковушку. Егор приходил с работы, топил печь, Матрена наскоро собирала на стол. Есть садились все вместе. Он понемногу привязался к детям чужой ему женщины. А Матрена была рада, что прибавилось забот, меньше оставалось времени думать горькие думы.

Егор купил с полочки детям конфет и новые туфлишки Феньке. Она от радости весь вечер не сводила с него глаз, ходила по пятам, не зная, как отблагодарить. Матрена, узнав о подарке, взяла туфли, конфеты и положила на стол перед Егором, когда кончили ужинать.

– Зря жалеешь нас, городской. И без тебя жили...

На ее глаза навернулись слезы. Не убрав со стола, Мотя вышла во двор, громко стукнув дверью, села на крыльцо и дала волю чувствам.

Фенька с растерянным видом сидела на лавке у стола. Вдруг лицо ее исказилось, и вырвался крик: "Мамка, туфли хочу, хо-чу!». Девочка выбежала вслед за матерью. Матрена прижала к себе дочь. И ревели уже в два голоса, громко, облегчая душу. Что она могла сказать в утешение своей дочке...

Егор курил, долго не мог уснуть, ворочался, слышал, как улеглась, всхлипывая, Фенька.

На другой день девочка удивила мать: "Давай дядю Егора возьмем в папки». – Да ты что, Фекла! " – только и сказала она, назвав почему-то дочь полным именем.

В воскресенье Матрена отмечала свои именины. Купила в сельпо чекушку водки (для гостей, для самих настоечка была), наварила картошки. Принарядилась – надела цветастое яркое платье. Пришла к ней бригадирша со своим Федором. Выпили, Федор растянул меха гармошки, полились частушки. И вдруг стоявшая у окна Фенька спросила: "Мам, а че ты папку в гости не позвала?». Вопрос остался без ответа, но застрял у Матрены в голове.

А еще через несколько дней Егор принес заработанные деньги, муку и положил на стол.

– Бери меня, Спиридоновна, к себе жить: тебе полегче, да и у меня на сердце теплее станет, привык я к детям...

В эту ночь Матрена опять плакала. То ли оттого, что ее одиночество кончилось, то ли вспомнились счастливые годы замужества.

Так и жили они. Нелюбивший много говорить Егор больше играл с Яшкой, делал ему игрушки, Матрене по хозяйству помогал.

Как-то вечером дверь избы широко распахнулась. На пороге появился пьяный Степан.

– Принимай, Мотька, гостей!

– Это кто же гостем будет? – тихо спросила хозяйка. Сердце ее тревожно застучало.

– На стол собирай да постельку готовь!..

Пьяный распугал ребятишек, они при жались к Егору, который на кухне мастерил полку.

– Не шали, Степан, иди куда шел...

– Да к тебе я шел, – ревел басом Степан, все ближе подвигаясь к Моте. Он так и норовил обнять ее единственной рукой.

– Ступай, ступай отсюда! Не по адресу попал, никак избой ошибся...

– Да неуж такого мужика забракуешь!..

– Я тебе в одночасье путь из дома из моего укажу!

– Да поостынь, поостынь... – Степан сел на лавку и начал снимать сапоги.

– Да ты что в самом-то деле! – рассвирепела Матрена.

Степан схватил ее за ворот кофты, рванул на себя. Остальные движения Спиридоновна опередила. Она подняла Степана с лавки и вытолкнула в дверь. Вслед полетели сапоги. Галунов видел, как Степан поднял их, закрыл ворота и неуверенной походкой отправился вдоль по улице, нисколько не огорчившись происшедшим, напевая себе под нос ему одному известную песню.

Матрена собралась растапливать печь. С какой-то злостью она заталкивала в нее дрова. Одно березовое полено никак не хотело лезть в печку. Мотя выпрямилась. Платок, съехавший на затылок, обнажил ее густые русые волосы и маленькие уши с дешевенькими сережками. Глаза ее горели, на щеках играл недобрый румянец.

– Вот ты где, постоялец! Это так ты восстаешь за меня? Спасибо, уважил!.. Вот ты какой! Да зачем я на груди своей такого ирода пригрела!...

И полено полетело в Егора.

Потерев ушибленное колено, Галунов, растягивая слова, заговорил: " А я так подумал, коль не обещала сема ничего, не звала мужика, уйдет, чего встревать-то».

Последние его слова Матрена не слышала. Упав на кровать, запричитала: " Ваня, зачем ты меня оставил... Как я жить-то теперь буду. И заступиться за меня некому, родимый»...

Она успокоилась только глубокой ночью.

Сон к Галунову не шел. Тяжелы были и его думы. «Если бы не война... Живы были бы моя ненаглядная Галина, дети, мать с отцом. Вдвоем с сестрой на белом свете остались. Как жить?.. Ноет сердце, болит, все никак не успокоится... А и правда, чего это я не вступился за Спиридоновну?.. Оторопел или до сих пор считаю ее чужой?.. Хорошая вроде женщина, тоже одна мыкается... Уйти на постой к другой одинокой?.. Дак к детям привык, и они ко мне тянутся».

Затаив на Егора обиду, спала Матрена. В своей одинокой постели спал отвергнутый ею Степан. Спала и деревня, зябко кутаясь в ночной туман.

ЕСЛИ ПРИЛЕТИТ ГУМАНОИД?

Вы, вероятно, рот открыли от этого словесного пассажа, от этакого коленца от оксюморона? А я – ничего. Привычная. Для меня это самый банальный вопрос из всех возможных и уже слышанных. Правда, завтра или через полгода, взяв телефонную трубку, я могу услышать: «Ты не знаешь, у тараканов бывает инфаркт?» или что-то в этом роде. Это у нее называется «мячики кидать»: она – тебе, ты – ей вернуть должна. Это ничего, что пророй «мячик», не подхваченный моей энергичной рукой, громко брякнется об пол. Отскребешь его, маленько приовалишь – и ей. Она должна поймать. Не моя уже забота, как она его примет, обо что он на ее стороне тарарахнется.

Думаете, от меня требуется ответ на вопрос про гуманоида или на другой какой-то, возникший спонтанно в голове Эвелины? Ничуть не бывало! Потому как она сама распрекрасно знает, что у меня нет ответа. Он ей и не нужен! Она же просто так спросила! Считайте, что для красного словца – вдруг кто услышит и сочтет за умную.

Живет себе живет, а потом возьмет да выкинет этакое антраша под каприччио – чтобы себя порадовать, пыль с души стряхнуть или окружающее поднадоевшее спокойствие взбаламутить.

Эвелина – дама постбальзаковского возраста, порядком измученная работой, но не бытом – с ним она управляется на раз-два, житейскими неотложными проблемами: сапоги-предатели, в самый неподящий момент выпустили пальцы наружу. Но больше всего Эвелину волнуют мировые проблемы: вон что в Украине творится, дойдет ли до нас новомодный вирус и почему опять родной рубль упал без надежды вскоре достойно подняться.

Она по-прежнему такая же жантильная (в смысле миловидная), однако фигурой ежегодно, по чуть-чуть, но все больше тянется в эпоху Ренессанса. Кстати, это ей вовсе не мешает мечтать о... прошлом. Взлететь бы молодой ласточкой на табуретку и прочитать публике стишок. Выразительно, выделявая голосом пируэты, обвораживающие толпу.

Почти постоянно Эвелина находится в состоянии ажитации – готова взволноваться, возбудиться от одного косога взгляда. Начинает переживать, сокращаться – рефлексировать, одним словом.

Как сама определяет это свое состояние всяческого дискомфорта? Да никак. Она по этому поводу и не думала. Допускаю, что в какой-то благодный день прилетит от нее «мячик» с вопросом: как называется мое состояние дискомфорта? Может, заранее подумать, вдруг да смогу огорошить своим философским ответом?.. Хм, есть возможность отличиться!..

А вообще-то мне кажется, что она не рефлексировать, а пытается выйти, вырваться из мира иллюзий, в которых продолжает барахтаться, во взрослую жизнь как-то внедриться, на землю грешную спуститься, а то юбки -длиннее, а убеждения по-прежнему мини.

И нельзя ее в этом упрекать. Сие от нее не зависит. Это – квазистихийно! Это вне ее. И как раз жить в том мире душевного уюта, добра, света, счастья, любви, созданном когда-то близкими вокруг Эвелины, – вот норма для каждого! Ей просто повезло – дольше почти всего человечества пребывала в том, можно сказать, эмбриональном состоянии. Поэтому, пребывая в возрасте, года губы перестают красить и каблук снимают особи ее пола, она умеет испытывать почти щенячий восторг. Правда, за этим частенько следует разочарование. И тогда она почти всегда клянется-божится: все, завтра начинаю новую жизнь, вот увидишь!

Ждать долго не приходится. Через день-другой – новое "здрасьте вам": " Ну почему все так в жизни позорно!.. Я чувствую, как безвозвратно годы уходят... Мне так беспокойно, некомфортно».

Не зная Эвелину, наслушавшись таких монологов-откровений, можно посчитать ее этакой тургеневской барышней в капоре, манерной и капризной, жантильной (уже в смысле изне-

женной кокеткой), не знающей, чего же она на самом деле хочет. Но когда в» тазик» ее души падает последняя» виньетка ложной сути», может выкинуть та-ко-е! Призвав при этом на помощь» великий, могучий» и... непечатный.

Иногда вся ее суть вырывается из телесных оков на волю вольную. Вот тогда!.. Это – спектакль не отмеченной наградами (а зря!) непризнанной самодеятельной артистки. Тогда она может не только повеселить, но и кровушки попортить.

Интересно, сколько и каких успокоительных таблеток пришлось выпить в конце прошлого века тетеньке – подавальщице пальто, манто и телогреек из гардероба местного ресторана? Уж как она увещевала Эвелину «в настроении»: «Девушка, не садитесь на зеркало, тут только расческу ложить можно!» – «Не ложить, а класть, это во-первых. Во-вторых, позвольте, почему нельзя, где это написано?» И чем громче гардеробщица призывала ее к порядку, будила ее не совсем трезвую совесть, тем капитальнее она усаживала свою аппетитную пятую точку на узенькую полочку при зеркале во всю стену, где не всякая расческа еще и уместится. О том, что зеркало может рухнуть и вдребезги разбиться, а вместе с ним зарплата и деловая репутация обслуживающего персонала питейного заведения, косившего под первоклассный ресторан, и не думала вовсе.

Кстати, «позвольте» – это коронное словечко Эвелины. Именно с него и начинаются ее речи. Но не все и не всегда позволяют ей залезать на символическую трибуну. При отказе внутри дамы такой невысказанный перекувырк происходит! И это, скажу я вам, опасно – ждите новую пространную тираду про то, что все в жизни позорно, что дни уходят... Обрывать недавшего слова она не в состоянии, вернее, воспитание не позволяет собачиться с кем-то, хоть и по важному поводу. Но выразить свое «фу» ведь как-то надо!..

Двадцать копеек под ногами она никогда не ищет – всегда подбородок выше носа, не в ее правилах с опущенной головой ходить. Она несет ее как великий дар. И не потому, что сутулиться маленький рост не позволяет. Она – как большая жирная точка, которую трудно не заметить и обойти своим вниманием. Поэтому у многих потомков Адама крышу и сносит. Правда, безрезультатно. Она в какой-то там пра-пра-пражизни запрограммирована на одного-единственного. Любовников ей Юнна Мориц своими стихами заменяет. Да и сама она, как Юнна Мориц. По определению.

Вот уж кто действительно вещеманией-то не страдает! Как-то не по-бабски к одежке она относится. Тем не менее одета всегда по моде. Никогда ничто ни с кем не обсуждается, ни разу не слышала: к моим глазам другой фасон нужен, а тут вот бантик лишний. Но это вовсе не значит, что у не денег – куры не клюют. Не копит она их, профурлетит после получки в два счета. И без всякого сожаления и душевных терзаний. С деньгами она расстается гораздо легче, чем с взлелеянными годами иллюзиями.

Это своеобразный кураж. А когда Эвелина в кураже, ее бывает не много, а очень много. Она снова «на сцене»: громко, чтобы слышал зритель в последнем ряду (не знаю, какая там система, но уж точно не по- Станиславскому), что нибудь с упоением рассказывает, чем и держит внимание народа. Аплодисменты, одним словом, срывает.

Или подначивает кого-то водочку по-гусарски «дернуть», если сама уже «дернула» раза два. Вы спросите – как это? На руку пониже локтя ставится рюмка, наполненная до краев, водку следует выпить, не пролив ни единой драгоценной капли.

А то викторину с дискуссией устроит по поводу того, что вы намерены делать, если вдруг на подоконнике приземлится гуманоид, или как в Париже называется разврат.

В кураже Эвелина, как та волшебная табакерка, которая налево и направо сюрпризы раздает. Пообещает, к примеру, прийти через пять минут. А появится в лучшем случае к вечеру, если вообще появится. Стол для гостыи накроешь, поизощряешься, чтобы выпендриться и удивить чем-то таким-этаким – гостей достойно принимать надо. И ждешь, как говорят, у моря погоды. А она звонит: знаешь, не получилось... Во тебе на тебе!..

На моей памяти и другие» знаменательные» события из ее жизни. Разыграла как-то из себя спонсора – в свой День рождения подарки всем раздаривала.. Красиво так, сопровождая панегириком, восхваляя до небес ни за что ни про что...

За что я ее люблю и терплю всяческие неожиданности? Она – Штирлиц! Ни на какой дыбе из нее чужие тайны не вышибешь. Молчать будет. Если бы она когда-нибудь заговорила, хотя бы рот открыла... Началась бы всемирная революция в отдельно взятом доме, семье, коллективе. Я вас уверяю! Хранить столько чужих тайн! Не зря, видать, жалуется на головные боли...

Еще не закончила писать, не вышла из темы, как новый звонок. Без каких-нибудь» здравствуйте» или» привет» что я услышала? Офигенный пируэт! «Ты в курсе, у нас маразм крепчает»...Ну как вы к этому отнесетесь...

Вас возмущает наличие непонятных слов? А вы пообщайтесь с Эвелиной, еще и не такие заковыристые улыщите. Книжек всяких она уйму прочитала. Если все сложить, не один здорovouщий пионерский костер получится.

Флер из поза-поза-позапрошлой жизни все же потихоньку спадает – живя в обществе, примешь его родимые пятна. Это уж как пить дать. Поэтому ее словарный запас давно пополнился даже непечатными изречениями, не только старорежимное, пахнущее нафталином начала прошлого века «позвольте «уже знает. Вот только, по недавнему ее признанию, до сих пор козлом никого назвать не может и послать куда-нибудь – опасается: а вдруг они оттуда вернутся и потребуют сатисфакции...

Телефон что-то долгонько молчит. Наверное, Диной Рубиной упивается или что-то из любимой Мориц наизусть учит... А может, в магазин пошла, гордо вскинув голову. Только бы не упала! Только бы сумку в магазине не оставила или перчатки!.. Уж лучше с ней размышлять, как выглядит гуманоид, зачем он нам здесь нужен, чем вместе сожалеть о вещественных невосполнимых потерях.

Так что общение у меня, как сами видите, высококачественное, поэтому ближние и отечественная медицина могут быть спокойны – слабоумие в ближайшее время мне точно не грозит...

Какое там на фиг слабоумие, когда того и гляди очередной» мячик» от Эвелины прилетит. Поймать бы!..

КАК Я РЕАБИЛИТИРОВАЛА ЛУКУ

Лет тридцать назад, когда занавес в Европу только-только начал приоткрываться, но «Камасутра» еще ходила в списках, в обеденное время, оставшееся от столовой, мы женским коллективом вели разговоры про ЭТО, не называя вещи своими именами и испытывая стыд от предмета обсуждения. Кое-кто из этого коллектива считал, что пеньюары носят и в рестораны ходят только распутные дамы. А мы, советские труженицы, имеем полное право жаловаться на загулявших мужей в профсоюз, в партком, в администрацию.

Как только кто-то самый смелый выкладывал какую-нибудь новинку из прочитанного или увиденного вчера, краснели все. А одна дама в возрасте, хотя ей еще и полвека не исполнилось, не уставала чуть ли не ежедневно повторять: "Ой! А мы-то с дедушкой всю жизнь бутербродом прожили...". Не то хвасталась, не то сожалела – какая-то непонятная интонация у нее была.

Вспомнила я об этих разговорах, когда смотрела фильм Владимира Меньшова «Зависть богов». Да-да, тот, о котором много разговоров было: как он позволил жене в кадре оголяться, это ее грудь или дублерши, как Алентова в таком-то возрасте решилась на откровенные сцены!..

Сознаюсь, первый раз до конца не досмотрела. Второй – с интересом, без отрыва, а в третий...

А в третий – просто упивалась отношениями зрелых людей, почти сказкой в наше-то практичное время. Отношениями, в которых слово любви не умирает, если оно сорвано с губ... Представили, как это – "сорвано с губ"?.. И как усиление этих слов – воистину божественное танго, отрывающее от серости будней. Влюбленным было наплевать на людей в электричке, они танцевали... Пусть смотрят и завидуют! Они оторвались и воспарили над миром от полноты счастья.

Фильм показал нам нас вчерашних, с моралью ханжей, оглядывающихся по сторонам по любому поводу. Ах, как это стыдно! А что скажет по этому поводу "графиня Марья Алексеевна», вдруг осудит!.. Как это – смотреть по видеку (это сейчас они, как электроутоги, в каждом доме есть, а тогда чуть ли не подпольно «из-за бугра» привозили) постельную, да еще такую бесстыжую сцену! В компании! Да при муже!!! А потом ночью отвечать на его ласки! И так, как он хочет – как тот иностранец в видеке! Ну уж, дудки!»! Не на таких напали. Советские женщины воспитаны в скромности, честными мужьям достались и не позволят с собой в постели обращаться, как с падшими западными кокетками!..

Раскованный и чувственный, как все французы, влюбившись в Соню, никак в толк не возьмет, почему он не может ее, комплексующую, из последних сил борющуюся с собой, со своей женской сутью, видеть. «Почему нельзя?.. Я хочу тебя видеть. Я хочу говорить с тобой!..» Французы, которые никогда не облачали свои чувства в паранджу, люди тонкие, они понимают, что искренность сиюминутна, она нужна сейчас – не завтра. Тем более что не так уж и много времени отпущено Соне с французом Всевышним. «Я не ловелас... Это не флирт. Это судьба... Я это знаю, и ты это знаешь»...

(Хорошо, что Андре играл Анатолий Лобоцкий, а не какой-нибудь суперпопулярный красавчик, затасканный по современным телесериалам.)

Да, Соня знала, что это – судьба. Андре разбудил спавшую в ней женщину. Полюбив впервые так сильно, она понимала: пропала. Испугалась себя. И не отвечала взаимностью – внешне: как, замужняя жена, супруг которой какой-никакой, а писатель! Как выразились бы деревенские мужики, девочку из себя строила. Уже и подружка Ира уговаривала ее, тоже всю жизнь бутербродом прожившую со своим писателем, завести «красивую, короткую, ни к чему не обязывающую связь», познать настоящую любовь и настоящую страсть. Ну что ей стоит раз-

другой изменить мужу (который, истинно по-русски, дома ходит в майке и трениках)! Французик скоро уедет, так что никто ничего и не узнает, а на нее Соню, еще когда кто-нибудь поглядит!..

Соня сдалась. И бросила все «в топку страстей», как выразилась ее мама. Разве не бросишь, конда тебе говорят: «Я раб твоего тела»? Поднимите-ка, уважаемые дамы, кто от мужей такие слорва в жизни слышал?.. Не густо получается... А муж сидит стучит себе на машинке, пьет и как бы не очень обнаруживает отсутствие жены дома.

Скажите: это же кино! Да, кино, но так достоверно отражающее нашу жизнь.

Как бы в подобной ситуации поступила, к примеру, француженка? Ну уж во всяком случае не как Соня, которая честно призналась мужу: " Я тебе изменила, первый раз в жизни. Я не хочу тебе врать. Не могу ложиться с тобой в постель». Ну разве не по-русски?!

Соне с Андре было так хорошо, что им позавидовали боги. И разлучили-развели по сторонам. Не ожидала она такого поворота событий, ведь уже и она дома объяснилась, и он написал о своей большой любви жене, выхлопотал еще полгода жизни в Москве...

Вспыхнуло – обожгло – и умервило.

После его отъезда Соня потухла вся внутри. И не хотела жить. Недолго думая, надела пальтецо на халат, взяла полотенце – постелить, чтобы не в грязь ложиться. И пошла повторять подвиг Нюры Карениной – легла на рельсы. Впродне осознанно и целенаправленно.

И ушла бы ведь на тот свет, если бы не тетки-рабочие пути (даже работницами их, мужиковатых, язык не поворачивается назвать). Подняли родимую: «Вставай, чего расселась... Ничего, потерпишь. Все терпят, и ты терпи». И повели свою спасенную, приговаривая: «Пойдем в сторожку, переночуем, а завтра в церковь сходим. Завтра праздник большой. Помолимся... Потом все нам расскажешь»... И увели героиню Веры Алентовой от греха подальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.